

DOI: 10.22363/2313-2329-2022-30-4-530-547

УДК 339.56

Научная статья / Research article

Современные торговые отношения между Республикой Южная Осетия и российскими регионами: особенности, тенденции, барьеры, риски

С.В. Дорошенко¹ , В.В. Джабиев²

¹Институт экономики Уральского отделения РАН,
Российская Федерация, 620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29

²ГБУН «Югоосетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева
при Президенте Республика Южная Осетия»,
Республика Южная Осетия, 100001, Цхинвал, проспект Джиоты Аланы, 3

 doroshenos@mail.ru

Аннотация. Затронуты вопросы внешнеэкономических взаимодействий одного из частично признанных государств постсоветского пространства — Республики Южная Осетия. Развитие государств, возникших, как правило, в результате вооруженных конфликтов и обозначаемых в мировой практике через различные, часто взаимозаменяемые, термины (непризнанные государства, сецессии, государства де-факто и др.), имеет постоянный научный интерес. В последние годы актуализировались исследования в области поиска факторов и механизмов саморазвития таких государств, что не предполагает абсолютную экономическую и социальную замкнутость, поэтому одним из механизмов являются внешние связи и торговые взаимодействия. Цель исследования — обоснование особенностей, тенденций, барьеров и рисков экспортно-импортных отношений республики с регионами Российской Федерации. Исследование проведено с использованием методов эмпирического анализа статистических данных, а также нормативного и картографического анализа и представления результатов. Основными источниками аналитической информации послужили данные сайта ru-stat.com, где представлен экспорт и импорт России по товарам и странам в помесечном, поквартальном или годовом разрезе с детализацией по регионам и группам товаров. Временной период анализа — январь 2013 г. — январь 2022 г. Анализ выявил современные особенности и тенденции торговых отношений России и Южной Осетии, в том числе переход таможенных органов Южной Осетии на стандарты Евразийского экономического союза; увеличение объемов импорта и налоговых доходов бюджета от него более чем в 3,5 раза за период 2017–2021 гг.; превышение в 3,5 раза импорта над экспортом в РФ. Выделены три типа барьеров для наращивания импорта в Россию — транспортно-

© Дорошенко С.В., Джабиев В.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

логистический, институциональный, структурный. Не исключается и возникновение определенных рисков развития внешнеторговых отношений с Россией, в частности возникновение пандемий подобно COVID-19, курсовые колебания российской валюты, санкционное давление. В целом, несмотря на существующие ограничения, Южная Осетия развивает внешнюю торговлю, в первую очередь, с российскими регионами. С определенными из них у республики сложились долгосрочные отношения, прежде всего, в плане импорта. Тем не менее перед правительством республики стоит стратегическая задача укрепления и наращивания торгового взаимодействия.

Ключевые слова: частично признанное государство, государство де-факто, саморазвитие, экономическая изоляция, экспорт, импорт, регион России, внешнеторговое взаимодействие

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения исследований при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-514-07001.

История статьи: поступила в редакцию 25 июня 2022 г.; проверена 15 июля 2022 г.; принята к публикации 05 сентября 2022 г.

Для цитирования: Дорошенко С.В., Джабиев В.В. Современные торговые отношения между Республикой Южная Осетия и российскими регионами: особенности, тенденции, барьеры, риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2022. Т. 30. № 4. С. 530–547. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-4-530-547>

Modern trade relations between the Republic of South Ossetia and Russian regions: Features, trends, barriers, risks

Svetlana V. Doroshenko¹ , Viacheslav V. Dzhabiev²

¹*Institute of Economics of the Ural Branch of RAS,
29 Moskovskaya St, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation*

²*South Ossetian Scientific Research Institute named after Z.N. Vaneev
under the President of the Republic of South Ossetia,
3 Dzhiota Alana Avenue, Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia*

 doroshenkos@mail.ru

Abstract. Touches upon the foreign economic interactions of the partially recognized states — the Republic of South Ossetia. The development of states that have arisen, as a rule, as a result of armed conflicts, and are designated in world practice through various terms (unrecognized states, secessions, de facto states, etc.), has a constant scientific interest. In recent years, research has been updated in the search for factors and mechanisms of self-development of such states, which does not imply absolute economic and social isolation, therefore, one of the mechanisms is external relations and trade interactions. The purpose of this study is to substantiate the features, trends, barriers and risks of export-import relations of the republic with the regions of the Russian Federation. The study was conducted using methods of empirical analysis of statistical data, as well as normative and cartographic analysis and presentation of results. The main sources of analytical information were the site data ru-stat.com. The period of the analysis is January 2013 — January 2022. The analysis revealed the current features and trends of trade relations between Russia and

South Ossetia, including the transition of the customs authorities of South Ossetia to the standards of the Eurasian Economic Union; an increase in import volumes and tax revenues from it. There are three types of barriers to increasing imports to Russia — transport and logistics, institutional, and structural. The emergence of certain risks of the foreign trade relations with Russia is not excluded, in particular, the occurrence of pandemics like COVID-19, exchange rate fluctuations of the Russian currency, sanctions pressure. In general, the republic has long-term trade relations with Russian regions, primarily in terms of imports. Nevertheless, the Government of the Republic faces the strategic task of strengthening and increasing trade interactions.

Keywords: partially recognized states, states de facto, self-development, economic isolation, export, import, Russian regions, foreign trade interactions

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 20-514-07001.

Article history: received 25 June 2022; revised 15 July 2022; accepted 5 September 2022.

For citation: Doroshenko, S.V., & Dzhabiev, V.V. (2022). Modern trade relations between the Republic of South Ossetia and Russian regions: Features, trends, barriers, risks. *RUDN Journal of Economics*, 30(4), 530–547. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-4-530-547>

Введение

Развитие государств, возникших, как правило, в результате вооруженных конфликтов, вызывает постоянный научный интерес. В последние несколько лет эта тематика актуализирована событиями 2014 г. на Украине. В мировой практике такие государственные образования обозначаются через различные, часто взаимозаменяемые, термины: непризнанное государство, квазигосударство, парагосударство, пограничное государство, сецессия, государство де-факто. В большинстве зарубежных исследований они определяются как «политическое образование, обладающее всеми атрибутами государственности (например, политической системой, вооруженными силами, внешней политикой), но не имеющее международного признания статуса государственности» (Miarka, 2020).

На постсоветском пространстве сегодня присутствует несколько подобных государств, которые корректнее называть частично признанными государствами (Маркедонов, 2018), поскольку они признаны несколькими странами, включая Россию. К таким частично признанным государствам относятся и Республика Южная Осетия, перед правительством которой стоит необходимость решения множества различных проблем, включая развитие внешнеэкономических отношений в жестких условиях политических ограничений.

Частично признанные государства как объект научных исследований

Исследования проблем развития государств де-факто можно разделить как по региональному признаку, так и по научно-отраслевому.

На основе научно-отраслевого критерия наиболее многочисленными, особенно среди зарубежных экспертов, являются исследования в сфере политологии, государственного управления, правопедения, международных отношений,

этнокультурологии. В последние годы более активно стали публиковаться и новые интересные результаты экономического анализа, в первую очередь частично признанных государств на постсоветском пространстве (Семин, Третьяков, 2020; Шеломенцев, Гончарова, 2021).

С точки зрения географии региона в последние годы за рубежом часто рассматриваются государственные образования де-факто в Европе (Косово, Турецкая Республика Северного Кипра) (Sabri, Sakalli, 2021), Африке (Сомалиленд, Западная Сахара) (Mirilovic, Siroky, 2021; Ingiriis, 2021). Как правило, отдельно и весьма активно анализируется постсоветское пространство (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, ЛНР, ДНР) (Ноч, 2011), но зачастую эти же государства рассматриваются и в контексте стран европейского региона (Молдовы, Украины) (Miarka, 2020) или Южного Кавказа (Грузии, Армении) (Broers, 2015).

При этом следует отметить, что все больше распространение получают различные сравнительные исследования государств де-факто между собой. Так, в аналитической работе (Krasniqi, 2018) проведено сравнение «способов осуществления государственности и компенсации дефицита суверенитета» десяти пограничных государств: Абхазии, Косово, Нагорного Карабаха, Сомалиленда, Южной Осетии, Палестины, Тайваня, Турецкой Республики Северного Кипра, Приднестровья и Западной Сахары. Без внимания не остаются и проблемы демократии, соблюдения прав человека в государствах де-факто. Например, в работе (Ulas, 2021) проведен сравнительный анализ возможностей развития демократических движений в Абхазии, Северном Кипре и Тайване. Безусловно, распространение получила и оценка роли России в частично признанных государствах постсоветского пространства, которая в большинстве зарубежных исследований скорее имеет негативный окрас, характеризуя внешнюю политику нашей страны в этом направлении как инструмент давления в отдельном регионе (Souleimanov, 2018) или «удержания постсоветского пространства в пределах своего влияния» (Czyż, 2021).

Публикуются сопоставительные результаты, полученные путем проведения различных опросов на территории различных постсоветских государств (O'Loughlin, Toalb, Kolozovc, 2016; O'Loughlin, Kolosov, 2020), которые, как отмечается в статье (O'Loughlin, Toalb, Kolozovc, 2014), «хотя внешне кажутся довольно похожими, но население государств де-факто весьма разнообразно по составу, геополитическим предпочтениям и поддержке политических институтов и личностей». Кроме того, по мнению А. Florea, «государства де-факто демонстрируют большие различия в спектре государственных институтов, которые они строят» (Florea, 2020).

Однако при всем разнообразии и особенностях каждого такого государства, что, безусловно, как отмечается в статье (Musa, Horst, 2019), необходимо учитывать и при организации любого экономического взаимодействия с ними, всем им «в значительной степени не хватает внешнего суверенитета, то есть способности выстраивать отношения с другими странами, и международного признания независимости» (Ноч, 2014).

По этой причине, как отмечается в статье (Nishikawa-Pacher, 2019), постсоветскими государствами Абхазией и Южной Осетией выбрана «стратегия укрепления внешней легитимности посредством отказа от стигматизации и достижения онтологической безопасности», реализуя которую они регулярно взаимодействуют с отдаленными тихоокеанскими островами или странами Латинской Америки, даже при отсутствии каких-либо значимых политических, экономических или военных связей.

Зарубежные эксперты неслучайно характеризуют экономику непризнанных и частично признанных государств, определяя ее как «застойную или разрушающуюся» (Buzard, 2017). Безусловно, что на состояние экономики существенно влияет международная изоляция. По этой причине в последние годы актуализировались исследования в области поиска новых эндогенных факторов развития (Шеломенцев, Гончарова, 2021), а также факторов и механизмов саморазвития таких государств, причем как с точки зрения теории (Дорошенко, 2020), так и с позиции прикладного анализа (Дорошенко, Джабиев, 2021; Гончарова, Шеломенцев, 2022). При этом саморазвитие не предполагает абсолютную экономическую и социальную замкнутость, поэтому одним из механизмов развития, конечно же, являются внешние связи и торговые взаимодействия.

Что касается объекта нашего исследования Республики Южная Осетия, то в последнее время зарубежными экспертами отмечается некоторый рост неформальной трансграничной торговли с Грузией. При этом открытие югоосетинского коридора представляет жизненно важный интерес и для бизнеса соседних Армении и Турции, которые, как Россия и Грузия, перевозят большие объемы товаров через Южный Кавказ. Но вопрос пока находится в стадии решения, хотя вновь был актуализирован президентом России и премьер-министром Грузии в 2017 г. Кроме того, остроты в необходимость его решения добавили и события, последовавшие после введения санкций против России весной 2022 г., в том числе вызвавшие разрыв логистических каналов через Европу, тем самым увеличившие поток грузоперевозок через Южный Кавказ. Тем не менее главным партнером в торговых отношениях для Республики Южная Осетия остается Российская Федерация. При этом пока отсутствуют широкие исследования, посвященные анализу развития экспортно-импортных отношений республики с российскими регионами. В рамках нашего исследования постараемся как-то восполнить данный пробел.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено с использованием методов эмпирического анализа статистических данных, а также нормативного и картографического анализа и представления результатов.

Основными источниками аналитической информации явились:

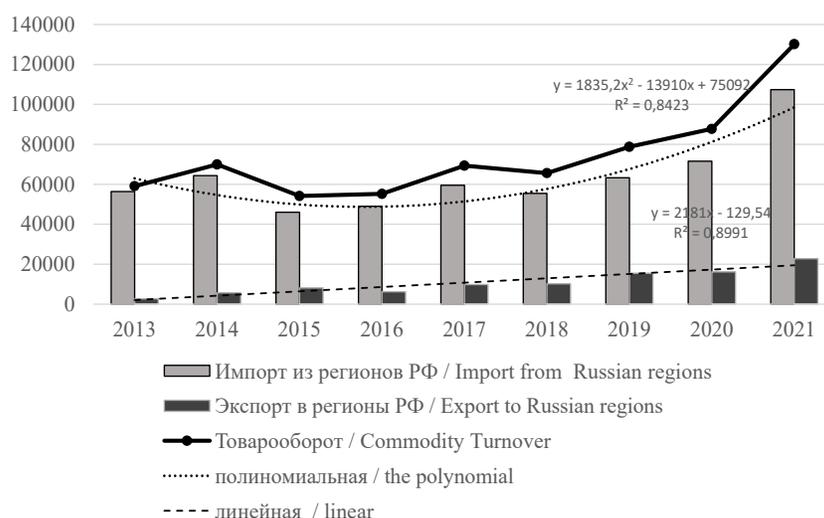
- данные сайта ru-stat.com, где представлен экспорт и импорт России по товарам и странам в помесечном, поквартальном или годовом разрезе с детализацией по регионам и группам товаров;

- данные Управления государственной статистики Республики Южная Осетия;
- нормативные акты, размещенные в базе Консультант¹, включая вступившее в силу 1 января 2022 г. издание «Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества независимых государств (ТН ВЭД СНГ)» (на основе 7-го издания Гармонизированной системы описания и кодирования товаров).

Временной период анализа — январь 2013 г. — январь 2022 г.

Результаты статистического анализа

На рис. 1 приведена динамика экспорта, импорта и общего внешнеторгового оборота между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией за период 2013–2021 гг.

Рис. 1. Объем импорта, экспорта и внешнеторгового оборота между Республикой Южная Осетия и регионами России за 2013–2021 гг., млн долл. США

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным сайта

URL: <https://ru-stat.su/date-M202101-202201/RU/trade/OS> (дата обращения: 11.06.2022).

Figure 1. Volume of imports, exports and foreign trade turnover between the Republic of South Ossetia and the Russian regions for 2013–2021, million US dollars

Source: calculated and compiled by the authors on the basis of

Retrieved June 11, 2022, from <https://ru-stat.su/date-M202101-202201/RU/trade/OS>

Из графиков рис. 1 видно, что за анализируемый девятилетний период внешний товарооборот между Россией и Южной Осетией вырос более чем в 2 раза — с 59,1 млн долл. США в 2013 г. до 130,2 млн долл. США в 2021 г. При этом импорт в республику из российских регионов за этот период увеличился в 1,9 раза — с 56,4 до 107,4 млн долл. США. Его изменения имели опреде-

¹ КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 11.06.2022).

ленную U-образную зависимость, даже наблюдался период спада в 2015–2016 гг. Экспорт из республики в регионы менялся практически линейно, он вырос в 8,5 раза и составил почти 22,8 млн долл. США в 2021 г. по сравнению с 2,7 млн долл. США в 2013 г.

Рассмотрим более подробно импортные и экспортные потоки Республики Южная Осетия.

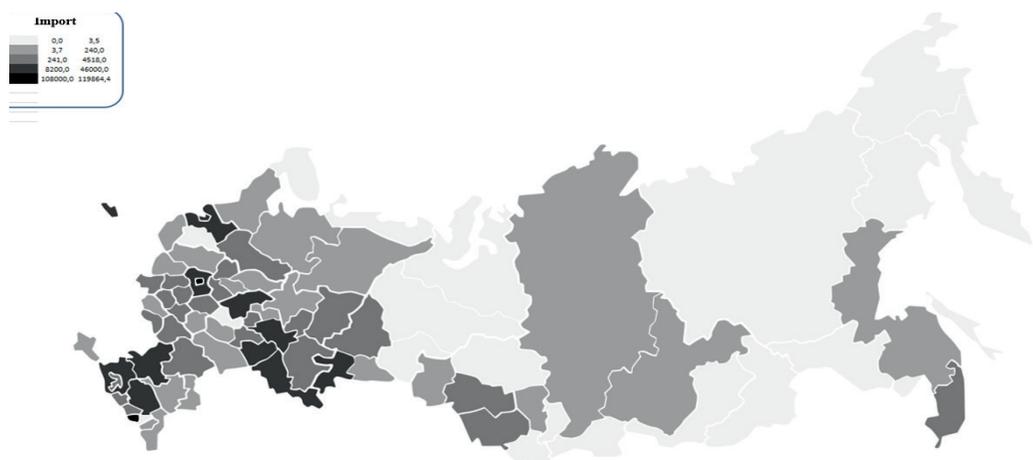
Импорт в республику за период с января 2013 г. по январь 2022 г. поступал из 64 регионов России. Однако это не означает, что в течение этого периода из всех 64 регионов шли постоянные потоки импорта. На рис. 2 представлена карта России, где регионы разделены на 5 групп и окрашены в разные оттенки серого в зависимости от их участия в импорте республики.

Рис. 2. Типология регионов России в зависимости от объема импорта в Республике Южная Осетия за 2013–2021 гг.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным сайта

URL: <https://ru-stat.su/date-M202101-202201/RU/trade/OS> (дата обращения: 11.06.2022).

Figure 2. Typology of Russian regions depending on their imports volume in the Republic of South Ossetia for 2013–2021

Source: calculated and compiled by the authors on the basis of

Retrieved June 11, 2022, from <https://ru-stat.su/date-M202101-202201/RU/trade/OS>

На карте (рис. 2) в самый светлый оттенок окрашен 21 регион, не имевший торговых отношений с РЮО в течение анализируемого периода. Остальные регионы поделены на группы в зависимости от их удельного веса в импорте. Самый темный цвет у двух регионов — г. Москва и Республика Северная Осетия — Алания, доля которых за период 2013 г. — янв. 2022 г. составила 20,7 и 18,7 % соответственно. Чуть светлее оттенок имеют 12 регионов с долей импорта от 1,4 до 8 %. К таким регионам относятся, к примеру, Ленинградская, Ростовская и Самарская области (7,9, 7,6, 7,2 % соответственно), Оренбургская область (2,7 %), Краснодарский край (2 %), Челябинская и Калининградская области (1,4 % и 1,7 % соответственно). Следующая группа представлена 24 субъектами РФ с долей импорта в РЮО от 0,1 % (к примеру, Пермский край, Воронежская область) до 0,8 % (Брянская и Ярославская области). И наконец, четвертая группа, состоящая из 26 регионов, имевших долю импорта менее 0,1 %. К этой группе относятся, например, Астраханская область, г. Севастополь, Республика Крым, Хабаровский край и др.

В целом из 64 субъектов РФ 13 регионов, в том числе Москва, Республика Северная Осетия — Алания, Ростовская область и др., осуществляли поставки товаров на протяжении всего анализируемого периода, включая январь 2022 г. Несколько регионов, например Татарстан, Оренбургская и Челябинская области, имели годовые перерывы в экспортных поставках. Возможно, это связано с пандемией COVID-19. Примечательно, что Брянская область имеет относительно небольшой опыт взаимодействия с республикой, однако за 2 года (2020–2021 гг.) по объему импорта она обошла регионы с более продолжительным периодом отношений.

Всего из 64 субъектов РФ за анализируемый период в республику поступило импорта почти на 562,5 млн долл. США, тогда как общий объем импорта составил около 573 млн долл. США. При этом на 21 российский регион с наиболее долгосрочными и «объемными» связями приходится более 97,2 % импорта Южной Осетии.

Анализ данных на основе номера и названия группы (в статье приведено сокращенно) товаров в соответствии с ТН ВЭД СНГ, действующей с 1 января 2022 г., показал, что наибольший удельный вес — 19,5 % приходится на топливо и энергоресурсы (группа 27). В этой группе более 41 % приходится на импорт электроэнергии, основным поставщиком которой является г. Москва (в 2018 г. некоторый объем электроэнергии также поступил из Краснодарского края). Второй по доле является группа 22 «Алкоголь, безалкогольные напитки» — более 10 %. Следует отметить, что в РЮО из разных регионов России, прежде всего Москвы, Северной Осетии, Ростовской области, Краснодарского края, поступает достаточно большой объем минеральных вод, газированных напитков, безалкогольного пива. Из спиртных напитков поступали различные вина в основном из Крыма, Северной Осетии, Ростовской области и Краснодарского края, водка — из Северной Осетии, Московской и Ростовской областей. Третье место по доле импорта занимает группа 54 «Химические нити и др.» — более 6,5 %. Основными

поставщиками синтетических нитей и тканей являются Санкт-Петербург и Ленинградская область.

Группа 84 «Оборудование и др.» хотя и имеет порядка 5,7 % импорта республики, но представлена очень широкой номенклатурой товаров, среди которых как промышленное оборудование (котлы, насосы, инструменты, печи для хлебопекарной промышленности, бетономешалки, сельскохозяйственная техника, техника для ЖКХ и т.п.), так и бытовая техника (стиральные машины, холодильники и т.п.), а также вычислительная техника. Поставки в зависимости от товара осуществлялись из различных регионов РФ, включая Брянскую, Ленинградскую, Ростовскую, Челябинскую, Калининградскую, Самарскую, Нижегородскую области, Северную Осетию, Москву, Санкт-Петербург и др. В число основных поставщиков группы «SS» (секретный код), имеющей порядка 5,2 % от импорта республики, входят Москва, Московская область, Удмуртская Республика. Основными поставщиками табачных изделий (группа 24), на которые приходится чуть более 4 % импорта, являются Калининградская и Ростовская области, а также Северная Осетия. Не продолжая далее подробный анализ, отметим, что всего объем импорта в РЮО за указанный период составил более 578 млн долл. США, из которых 5,5 млн долл. приходится на январь 2022 г.

На рис. 3 представлена карта, на которой российские регионы, так же как и на рис. 1, разделены на 5 групп и окрашены в разные оттенки серого в зависимости от объема экспорта из РЮО за период с января 2013 г. по январь 2022 г.

Рис. 3. Типология регионов России в зависимости от объема экспорта из Республики Южная Осетия за 2013–2021 гг.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным сайта:

URL: <https://ru-stat.su/date-M202101-202201/RU/trade/OS> (дата обращения: 11.06.2022).

Figure 3. Typology of Russian regions depending on the volume of exports from the Republic of South Ossetia for 2013–2021.

Source: calculated and compiled by the authors on the basis of Retrieved June 11, 2022, from <https://ru-stat.su/date-M202101-202201/RU/trade/OS>

Всего в течение анализируемого периода Республика Южная Осетия поставляла продукцию в 18 регионов РФ, но только с двумя регионами — Москвой и Республикой Северная Осетия — Алания — сложились относительно постоянные долгосрочные отношения. Однако наибольший удельный вес в экспорте РЮО имеют Санкт-Петербург и Ленинградская область (28,1 и 56,9 % соответственно). Это самая темная — пятая группа регионов на карте (см. рис. 3). Первая, самая светлая, группа — регионы, куда ни разу за анализируемый период не осуществлялись поставки товаров из РЮО. Вторая группа регионов с незначительной долей экспорта — от 0,01 и менее процентов. Таких регионов шесть: Севастополь, Курская и Московская области, Республика Дагестан, Хабаровский и Пермский края. Последний имеет наибольшую долю — порядка 0,01 %. Третья группа включает семь регионов: Татарстан, Чеченскую Республику, Тамбовскую и Ростовскую области, которые имеют удельный вес в экспорте РЮО от 0,03 % до 0,07 %, а также Калужскую, Владимирскую области и Ставропольский край с удельными весами 0,35, 0,46 и 0,76 % соответственно. Четвертая группа состоит из трех регионов: Краснодарского края (2,58 %), г. Москвы (4,43 %) и Северной Осетии (6,24 %).

Что и куда экспортирует Республика Южная Осетия

Анализ показал, что в основном из республики экспортировался текстиль — около 85 %, а также пищевые продукты — около 8 %. Текстиль (группа 62) направлялся в три региона России — Москву, Санкт-Петербург,

Ленинградскую область. Второй по значимости экспорта группой являются пищевые продукты, к которым относятся товары групп 22, 07 и 08. Основными направлениями поставок товаров группы 22 являлись такие регионы, как Москва, Северная Осетия, Владимирская, Калужская и Тамбовская области, а также Краснодарский край и Севастополь. Группа 08 (в основном это яблоки) поставляется в Северную Осетию, а также были разовые поставки свежего винограда в Дагестан в 2021 г. Группа 07 поставлялась лишь в 2013–2015 гг. в Курскую область, Москву, Санкт-Петербург, Северную Осетию, но объемы были достаточно существенные (общая сумма поставок составила более 200 тыс. долл. США). Группа 72 представлена отходами и ломом черных металлов, которые ежегодно поставляются в Северную Осетию. Как мы уже отмечали при характеристике импорта, группа 84 очень разнообразна по ассортименту товаров. Основными получателями продукции в разные годы являлись Владимирская область, Северная Осетия, Ставропольский край, Ростовская область. Потребителями товаров группы 87 выступают Ставропольский край и Северная Осетия. Группа 33 направляется в Москву. В целом объем экспорта в Россию из республики за 2013 г. — янв. 2022 г. составил порядка 97,2 млн долл. США, из которых на январь 2022 г. пришлось чуть более 173 тыс. долл. США.

Сопоставив экспорт и импорт, мы выделили 18 регионов России, которые имели пусть зачастую непродолжительные, но двусторонние торговые отношения с республикой в период янв. 2013 г. — янв. 2022 г. В большинстве случаев импорт из этих регионов превышает объем экспорта из Республики Южная Осетия, что формирует отрицательный торговый баланс. Однако с двумя регионами, Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, республика имеет положительный торговый баланс, то есть экспорт из республики превышал объем импорта из этих регионов. В целом внешнеторговый оборот республики с Россией за анализируемый период составил 675,6 млн долл. США, из них почти 543,8 млн долл. — внешнеторговый оборот с упомянутыми выше 18 регионами, то есть порядка 80,5 %.

Особенности, тенденции, барьеры, риски торговых взаимодействий

Анализ статистического и другого материала позволяет говорить о некоторых особенностях и тенденциях торговых отношений России и Южной Осетии, сложившихся к настоящему моменту.

Во-первых, с августа 2008 г. Россия является практически единственным внешнеторговым партнером Республики Южная Осетия. С признанием независимости между странами было подписано более 100 различных договоров и соглашений, в том числе в сфере общего таможенного регулирования и пошлин на провозимые через таможенную территорию товары. Принятые соглашения упростили процедуры таможенного оформления провозимой через таможенную территорию продукции, а также были отменены таможенные пошлины на отечественную продукцию, вывозимую на территорию РЮО.

Во-вторых, с 2020 г. осуществлен переход таможенных органов Южной Осетии на стандарты Евразийского экономического союза. Этот переход был заложен упомянутым выше соглашением 2016 г. Следует отметить, что переход на законодательство Таможенного кодекса ЕАЭС наложил серьезные ограничения для югоосетинских предпринимателей, на которых остановимся чуть позже.

В-третьих, согласно данным Управления государственной статистики РЮО, налоговые доходы государственного бюджета от товаров, ввозимых на территорию республики, увеличились более чем в 3,5 раза за период 2017–2021 гг. (с 46,3 млн р. до 164 млн р.), что свидетельствует об увеличении объемов импорта продукции. Вместе с тем доходы от внешнеэкономической деятельности за последние пять лет сократились — с 37,5 млн р. в 2017 г. до 31,8 млн р. в 2021 г.

В-четвертых, импорт республики существенно превышает ее экспорт в регионы России. Основными позициями экспорта являются текстильная продукция филиала фабрики БТК-24, черный лом, а также яблоки из яблоневых садов, недавно заложённых по современной технологии и сортам «Яблоневый сад». Импортирует республика нефтепродукты, электроэнергию, продовольственные и другие потребительские товары, оборудование.

И, в-пятых, основными региональными торговыми партнерами республики являются, прежде всего, субъекты Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, что объясняется территориальной близостью и относительно невысокими транспортно-логистическими издержками. На протяжении последних 8–9 лет 17 регионов России, включая Белгородскую, Волгоградскую, Калининградскую, Нижегородскую, Самарскую, Ростовскую, Московскую, Челябинскую, Оренбургскую области, Карачаево-Черкесию, Краснодарский и Ставропольский края, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Татарстан, Москву, Санкт-Петербург, практически постоянно осуществляют импортные поставки. Главным направлением для экспорта продукции республики является Северная Осетия.

В целом перед правительством Республикой Южная Осетия стоит важная стратегическая задача — увеличение импорта и доходов от внешнеэкономической деятельности. Однако для ее решения сохраняются определенные барьеры и риски.

Опуская рассуждения о том, что важнейшим ограничением для наращивания экспорта в целом является политический статус республики, отметим другие, на наш взгляд, весьма существенные барьеры для наращивания импорта в Россию.

Первый барьер — транспортно-логистический. Взаимодействие с Россией (как и со всем остальным миром) сегодня осуществляется по единственной артерии — транскавказской автомагистрали. Необходимо строительство железной дороги через Большой кавказский хребет, что в несколько раз позволит уменьшить транспортные расходы, а в перспективе откроет возможности транзита через республику в другие страны. Это капиталоемкий проект, трудный

в техническом исполнении, но эффект отдачи от него, по подсчетам экспертов, весьма существенный. Кроме того, необходимо ускорить строительство дополнительных линий на контрольном пропускном пункте таможни России для предотвращения скопления машин, что увеличит временные и материальные расходы, а также позволит ввести дополнительные полосы движения в Нижнем Зарамаге.

Второй барьер — институциональный. Он связан с переходом республики на таможенные стандарты ЕАЭС. Так, например, в Памятке для участников ВЭД при декларировании товаров по заявлению (что стало обязательным) первым условием является то, что общая таможенная стоимость вывозимых товаров не должна превышать сумму, эквивалентную 1000 евро. Опрос предпринимателей показал, что сумму необходимо увеличить до средней стоимости груза, провозимого через границу на одной автомашине (примерно 7000 евро). В этом случае не нужно будет декларировать мелкие партии товаров, что значительно снизит расходы на транспортировку.

И третий барьер, который считаем нужным выделить и обозначить как структурный, связан с аграрным статусом республики, что часто подчеркивается руководителями страны, и поэтому наравне с наращиванием производства сельскохозяйственных товаров для внутреннего потребления весьма важен для фермеров и вывоз своей продукции в Россию.

С августа 2008 г. вывоз сельскохозяйственных товаров в Россию стал невозможным. Поначалу это было связано с отсутствием подтверждающих документов о том, что продукция была выращена в РЮО, а не в соседней Грузии, с которой Россия оборвала в то время торговые отношения. Позднее вывоз сельскохозяйственной продукции стал невозможен из-за частых вспышек эпидемий сельскохозяйственных животных (чума свиней, нашествие мраморных клопов, и т.д.), что стало причиной введения запрета на импорт сельскохозяйственной продукции в Россию из Южной Осетии.

Контроль за качеством выращенной сельскохозяйственной продукции в РЮО был возложен на Югосельхознадзор, тесно начавший сотрудничество с Ростехнадзором, который помогал в проведении лабораторных анализов и подготовке документов, так как соответствующие инструменты и химические средства отсутствуют в Южной Осетии. Была проведена большая работа по упрощению процедур по вывозу местной продукции фермерами в Россию, однако проблема не решена по причине нежелания фермеров договариваться между собой и объединять свои мелкие партии в одну большую партию товара, на которую быстрее и дешевле было бы получить необходимые документы: фитосанитарный сертификат, сертификат соответствия (стоит очень дорого), разрешение Россельхознадзора на ввоз сельскохозяйственной продукции на территорию РФ.

Вместе с тем необходимо вести работы по улучшению внешнего вида плодов, что требует смены сортов, соответствующего ухода за новыми культурами. Требуется создание перерабатывающих предприятий и складов для хранения, что позволит закупать у населения местную сельскохозяйствен-

ную продукцию и экспортировать ее в Россию, поскольку переработанная продукция более конкурентоспособна на внешних рынках. Одним из препятствий для строительства перерабатывающих предприятий является недостаток грузового транспорта. Кроме того, сельские дороги нуждаются в постоянном ремонте. Важно также обеспечить и максимальную защиту сельскохозяйственных культур и животных от болезней и эпидемий, что снизит потери и увеличит экспорт. Для этого необходимо обеспечить лабораторию Югосельхознадзора полным набором нужного оборудования и материалов, чтобы не перевозить пробы для исследований в Россию, сократив тем самым временные и материальные расходы.

В качестве наиболее серьезных рисков развития внешнеторговых отношений Республики Южная Осетия и российских регионов, по нашему мнению, следует отметить, во-первых, пандемийные процессы по типу COVID-19, когда были вынужденно закрыты государственные границы, что существенно сократило не только экспорт, но импорт в РЮО; во-вторых, снижение курса рубля, что наблюдалось до 2022 г. и повлекло удорожание импортируемых товаров, снизив уровень жизни населения республики и, как следствие, спрос; и, в-третьих, введение масштабных санкций против России после 24 февраля 2022 г., что вызвало инфляцию, повышение цен в самой России и в результате рост стоимости импортируемых из нее товаров, сокращение ассортимента².

Заключение

В целом, несмотря на существующие ограничения, Южная Осетия развивает внешнюю торговлю, в первую очередь с российскими регионами. С определенными из них у республики сложились долгосрочные отношения, прежде всего, в плане импорта. Общие траектории изменения объемов импорта и экспорта имеют повышательный тренд. При этом для наращивания экспорта существуют определенные барьеры. Не исключается и возникновение определенных рисков развития внешнеторговых отношений с Россией. Тем не менее перед правительством республики стоит стратегическая задача укрепления и наращивания торговых взаимодействий.

Список литературы

- Гончарова К.С., Шеломенцев А.Г., Савин К.Н. Институциональные механизмы саморазвития частично признанной республики // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2022. № 1 (83). С. 63–81. <https://doi.org/10.17277/voprosy.2022.01.pp.063-081>
- Дорошенко С.В. Теоретический взгляд на факторы саморазвития государств в условиях экономической изоляции // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. № 5. С. 27–46. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10042>

² Abkhazia and South Ossetia: Time to Talk Trade. Crisis Group Europe Report. 2018. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/georgia/249-abkhazia-and-south-ossetia-time-talk-trade> (accessed: 26.05.2022).

- Дорошенко С.В., Джабиев В.В.* Эффективность институциональных механизмов развития предпринимательства на экономически изолированных территориях // *Управление в современных системах*. 2021. № 4 (32). С. 16–27. <https://doi.org/10.24412/2311-1313-32-16-27>
- Маркедонов С.М.* Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2018. № 1 (11). С. 24–40. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-1-24-40>
- Семин А.Н., Третьяков А.П.* Развитие экономики Южной Осетии: тенденции, проблемы, решения // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2020. № 3. С. 55–66. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10023>
- Семин А.Н., Третьяков А.П., Джабиев В.В.* Продовольственная безопасность и рост потребительских цен в Республике Южная Осетия // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2021. № 5. С. 7–24. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-5-7-24>
- Шеломенцев А.Г., Гончарова К.С.* Факторы социально-экономического развития частично признанных и непризнанных республик Кавказа // *Вестник МГИМО Университета*. 2021. Т. 14. № 5. С. 203–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-203-223>
- Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Джабиев В.В., Гончарова К.С.* Эндогенные факторы социально-экономического развития Республики Южная Осетия (непризнанного государства) в условиях ее экономической изоляции // *Human Progress*. 2021. Т. 7. № 1. С. 16. <https://doi.org/10.34709/HP.171.16>
- Broers L.* Resourcing de facto jurisdictions: A theoretical perspective on cases in the South Caucasus // *Caucasus Survey*. 2015. Vol. 3, no. 3. P. 269–290. <https://doi.org/10.1080/23761199.2015.1102450>
- Buzard K., Graham B.A.T., Horne B.* Unrecognized states: A theory of self-determination and foreign influence // *Journal of Law, Economics, and Organization*. 2017. Vol. 33, no. 3. P. 578–611. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2491944>
- Czyż A.* Fenomen parapaństw na obszarze poradzieckim // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2021. Vol. 19, no. 2. P. 197–217. <https://doi.org/10.36874/riesw.2021.2.10>
- Florea A.* Rebel governance in de facto states // *European Journal of International Relations*. 2020. No. 26. P. 1004–1031. <https://doi.org/10.1177/1354066120919481>
- Hoch T.* EU Strategy towards Post-Soviet De Facto States // *Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 6, no. 2. P. 69–85.
- Hoch T., Souleimanov E., Baranec T.* Russia's role in the official peace process in South Ossetia // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2014. No. 23. P. 53–71. <http://dx.doi.org/10.2478/bog-2014-0004>
- Ingiriis M.H.* Being and becoming a state: the statebuilding and peacebuilding conversations in southern Somalia and Somaliland // *Journal of Contemporary African Studies*. 2021. Vol. 39, no. 1. P. 1–39. <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/02589001.2020.1815677>
- Krasniqi G.* Contested territories, liminal polities, performative citizenship: a comparative analysis // *EUI Working Paper RSCAS*. 2018. Vol. 13. P. 1–60. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3157555>
- Miarka A.* Para-states as an instrument for strengthening Russia's position — the case of Transnistria // *Journal of Strategic Security*. 2020. Vol. 13, no. 2. P. 1–18. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.13.2.1750>
- Mirilovic N., Siroky D.S.* International recognition, religion, and the status of Western Sahara // *Acta Politica*. 2021. Vol. 56, no. 3. P. 548–566. <https://doi.org/10.1057/s41269-020-00166-4>

- Musa A.M., Horst C. State formation and economic development in post-war Somaliland: the impact of the private sector in an unrecognised state // *Conflict, Security and Development*. 2019. Vol. 19, no. 1. P. 35–53. <https://doi.org/10.1080/14678802.2019.1561621>
- Nishikawa-Pacher A. The diplomacy of post-Soviet de facto states: ontological security under stigma // *International Relations*. 2019. No. 33. P. 563–585. <https://doi.org/10.1177/0047117819856397>
- O’Loughlin J., Kolosov V.A. Building identities in post-Soviet “de facto states”: cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdnistria, and Abkhazia // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. No. 58. P. 691–715. <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1468793>
- O’Loughlin J., Kolosov V., Toal G. Inside the post-Soviet de facto states: a comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorno Karabakh, South Ossetia, and Transnistria // *Eurasian Geography and Economics*. 2014. Vol. 55, no. 5. P. 423 — 456. <https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1012644>
- O’Loughlin J., Toal G., Kolosov V. Who identifies with the “Russian World”? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria // *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57, no. 6. P. 745–778. <https://doi.org/10.1080/15387216.2017.1295275>
- Sabri R., Sakalli B. The politics and ethical dilemmas of architectural conservation in an unrecognised state: insights from Northern Cyprus // *International Journal of Heritage Studies*. 2021. Vol. 27, no.12. P. 1245–1263. <https://doi.org/10.1080/13527258.2021.1950031>
- Souleimanov E.A., Abrahamyan E., Aliyev H. Unrecognized states as a means of coercive diplomacy? Assessing the role of Abkhazia and South Ossetia in Russia’s foreign policy in the South Caucasus // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2018. Vol. 18, no. 1. P. 73–86. <https://doi.org/10.1080/14683857.2017.1390830>
- Ulas H. The Dynamics of Social Movements in Unrecognized States — A Comparative Study // *Front. Polit. Sci.* 2021. Vol. 3. P. 724125. <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.724125>

References

- Broers, L. (2015). Resourcing de facto jurisdictions: A theoretical perspective on cases in the South Caucasus. *Caucasus Survey*, 3(3), 269–290. <https://doi.org/10.1080/23761199.2015.1102450>
- Buzard, K., Graham, B.A.T., & Horne, B. (2017). Unrecognized states: A theory of self-determination and foreign influence. *Journal of Law, Economics, and Organization*, 33(3), 578–611. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2491944>
- Czyż, A. (2021). Fenomen parapaństw na obszarze poradzieckim. *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, 19(2), 197–217. <https://doi.org/10.36874/riesw.2021.2.10>
- Doroshenko, S.V. (2020). Theoretical view on the factors of self-development of states in conditions of economic isolation. *ETAP: economic theory, analysis, practice*, (5), 27–46. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10042> (In Russ.).
- Doroshenko, S.V., & Dzhabiev, V.V. (2021). Efficiency of institutional mechanisms of entrepreneurship development in economically isolated territories. *Management in modern systems*, 4(32), 16–27. <https://doi.org/10.24412/2311-1313-32-16-27> (In Russ.)
- Florea, A. (2020). Rebel governance in de facto states. *European Journal of International Relations*, 26, 1004 — 1031. <https://doi.org/10.1177/1354066120919481>
- Goncharova, K.S., Shelomentsev, A.G., & Savin, K.N. (2022). Institutional mechanisms of self-development of a partially recognized republic. *Issues of modern science and practice. V.I. Vernadsky University*, (1), 63–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.17277/voprosy.2022.01.pp.063-081>
- Hoch, T. (2011). EU Strategy towards Post-Soviet De Facto States. *Contemporary European Studies*, 6(2), 69–85.

- Hoch, T., Souleimanov, E., & Baranec, T. (2014). Russia's role in the official peace process in South Ossetia. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 23, 53–71. <http://dx.doi.org/10.2478/bog-2014-0004>
- Ingiriis, M.H. (2021). Being and becoming a state: the statebuilding and peacebuilding conversations in southern Somalia and Somaliland. *Journal of Contemporary African Studies*, 39(1), 1–39. <https://doi.org/10.1080/02589001.2020.1815677>
- Krasniqi, G. (2018). Contested territories, liminal polities, performative citizenship: a comparative analysis. *EUI Working Paper RSCAS*, 13, 60. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3157555>
- Markedonov, S.M. (2018). De facto states: the political phenomenon of the post-Soviet space. *Bulletin of the Russian State University. The series "Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental Studies"*, (1), 24–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-1-24-40>
- Miarka, A. (2020). Para-states as an instrument for strengthening Russia's position — the case of Transnistria. *Journal of Strategic Security*, 13(2), 1–18. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.13.2.1750>
- Mirilovic, N., & Siroky, D.S. (2021). International recognition, religion, and the status of Western Sahara. *Acta Politica*, 56(3), 548–566. <https://doi.org/10.1057/s41269-020-00166-4>
- Musa, A.M., & Horst C. (2019). State formation and economic development in post-war Somaliland: the impact of the private sector in an unrecognised state. *Conflict, Security and Development*, 19(1), 35–53. <https://doi.org/10.1080/14678802.2019.1561621>
- Nishikawa-Pacher, A. (2019). The diplomacy of post-Soviet de facto states: ontological security under stigma. *International Relations*, (33), 563–585. <https://doi.org/10.1177/0047117819856397>
- O'Loughlin, J., & Kolosov, V.A. (2020). Building identities in post-Soviet "de facto states": cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia. *Eurasian Geography and Economics*, (58), 691–715. <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1468793>
- O'Loughlin, J., Kolosov, V., & Toal, G. (2014). Inside the post-Soviet de facto states: a comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorno Karabakh, South Ossetia, and Transnistria. *Eurasian Geography and Economics*, 55(5), 423–456. <https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1012644>
- O'Loughlin, J., Toal, G., & Kolosov, V. (2016). Who identifies with the "Russian World"? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria. *Eurasian Geography and Economics*, 57(6), 745–778. <https://doi.org/10.1080/15387216.2017.1295275>
- Sabri, R., & Sakalli, B. (2021). The politics and ethical dilemmas of architectural conservation in an unrecognised state: insights from Northern Cyprus. *International Journal of Heritage Studies*, 27(12), 1245–1263. <https://doi.org/10.1080/13527258.2021.1950031>
- Semin, A.N., & Tretyakov, A.P. (2020). The development of the economy of South Ossetia: trends, problems, solutions. *ETAP: economic theory, analysis, practice*, (3), 55–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10023>
- Semin, A.N., Tretyakov, A.P., & Dzhabiev, V.V. (2021). Food security and consumer price growth in the Republic of South Ossetia. *ETAP: economic theory, analysis, practice*, (5), 7–24. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-5-7-24> (In Russ.).
- Shelomentsev, A.G., & Goncharova, K.S. (2021). Factors of socio-economic development of partially recognized and unrecognized republics of the Caucasus. *Bulletin of MGIMO University*, 14(5), 203–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-203-223> (In Russ.).
- Shelomentsev, A.G., Doroshenko, S.V., Dzhabiev, V.V., & Goncharova, K.S. (2021). Endogenous factors of socio-economic development of the Republic of South Ossetia (an unrecognized state) in conditions of its economic isolation. *Human Progress*, 7(1), 16. <https://doi.org/10.34709/IM.171.16> (In Russ.)

Souleimanov, E.A., Abrahamyan, E., & Aliyev, H. (2018). Unrecognized states as a means of coercive diplomacy? Assessing the role of Abkhazia and South Ossetia in Russia's foreign policy in the South Caucasus. *Southeast European and Black Sea Studies*, 18(1), 73–86. <https://doi.org/10.1080/14683857.2017.1390830>

Ulas, H. (2021). The Dynamics of Social Movements in Unrecognized States — A Comparative Study. *Front. Polit. Sci*, 3, 724125. <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.724125>

Сведения об авторах / Bio notes

Дорошенко Светлана Викторовна, доктор экономических наук, заведующая сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук. ORCID: 0000-0002-8282-6062. E-mail: doroshenkos@mail.ru

Джабиев Вячеслав Владимирович, научный сотрудник, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева при Президенте Республики Южная Осетия. E-mail: ir_les@mail.ru

Svetlana V. Doroshenko, Doctor of Economics, Head of the Regional Systems Adaptation Research Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8282-6062. E-mail: doroshenkos@mail.ru

Viacheslav V. Dzhabiev, Researcher of the South Ossetian Scientific Research Institute named after Z.N. Vaneev under the President of the Republic of South Ossetia. E-mail: ir_les@mail.ru